

УДК 1(47+57)(09)
ББК 87.3(2)521-8Пушкин А.С.
DOI 10.25281/2072-3156-2018-15-2-206-213

В.И. КРАСИКОВ

ПУШКИН КАК «ВЕДАТЕЛЬ ЖИЗНИ»: ОСНОВНЫЕ ПРОФИЛИ В АМАЛЬГАМЕ ПУШКИНСКИХ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Владимир Иванович Красиков,
Российский институт театрального искусства (ГИТИС),
кафедра истории, философии, литературы,
профессор
Малый Кисловский переулок, д. 6, Москва, 125009, Россия
доктор философских наук, профессор
E-mail: KrasVladlv@gmail.com

Реферат. Объектом исследования данной статьи является очерченный предшествующими исследователями круг высказываний и характеристик, содержащихся в произведениях А.С. Пушкина и касающихся мировоззренческих идей, принципов и смыслов, имевших хождение в пушкинское время. Предметом — их философская составляющая. Автор проводит ценностную дифференциацию философских предпочтений А.С. Пушкина в контексте мировоззренческих интересов его эпохи и определяет основные их профили как «близкое», «не принимаемое» и «нейтральное».

В качестве методологических средств применяются анализ и научная рефлексия, а эмпирическим материалом выступают работы специалистов разных направлений гуманитаристики, посвященные данной теме. Полученный аналитико-рефлексивный материал структурируется при помощи типизации и классификации, что позволяет автору исследовать логику мировоззренческой и идейной эволюции поэта и роли в ней философии и предложить собственную ее интерпретацию. Вкладом автора в разработку данной темы является также аргументация гипотезы своеобразия художественной рефлексии и рефлексивности (в сравнении с рефлексией и рефлексивностью философской).

Ключевые слова: пушкинские философские предпочтения, мировоззренческая эволюция поэта, рефлексия, своеобразие художественной рефлексивности, эпикуреизм, французский скептицизм, Вольтер, Руссо, классическая немецкая философия, Кант, Шеллинг.

Для цитирования: Красиков В.И. Пушкин как «ведатель жизни»: основные профили в амальгаме пушкинских философских предпочтений // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 2. С. 206–213. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-206-213.

В бесчисленных исследовательских работах об А.С. Пушкине основательно изучены всевозможные источники, тенденции, влияния, отзвуки, способные как-то иначе высветить стороны, грани и оттенки его гения. Не обделена вниманием и философия — учения и взгляды, прямо или аллюзивно упомянутые в пушкинском творчестве: в произведениях гения любой эпохи вместе с ним говорит и его время, и предшествующее. Вообще, «культурное паблисити» обязывает человека, получившего хорошее по меркам его времени образование и отличающегося отменной эрудицией, уместно цитировать и упоминать выдающиеся идеи своей и прошлой эпох, выражать предпочтения, симпатии и антипатии. Это и понятно: что-то мы любим; это нам близко, а другое вызовет у нас непонимание и неприятие; к третьему мы отнесемся с усмешкой, как к курьезу; четвертое не пробудит в нас никаких эмоций.

ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ, ЗАДАЧИ, МЕТОДЫ

Попробуем определить подобные профили: «близкое», «не принимаемое» и «нейтральное» в философских предпочтениях А.С. Пушкина. Заметим, что эта попытка является лишь обозначением подступа к необъятной теме, развиваемой отечественной пушкинианой.

В качестве объекта исследования выступает круг выявленных предшествующими исследователями высказываний, упоминаний и характеристик, содержащихся в пушкинских произведениях и касающихся общих мировоззренческих идей, принципов и смыслов, как имевших хождение среди современников поэта, так и усвоенных им самим. Предметом исследования является философская составляющая этого круга, а задачей — их ценностная дифференциация, выявление основных профилей пушкинских предпочтений.

Сформулированные подобным образом объект, предмет и задача исследования определяют и соответствующий арсенал методологических средств. Ими являются анализ и научная рефлексия. Эмпирический материал, полученный из работ специалистов разных направлений гуманитаристики по заявленной тематике, в свою очередь, структурируется: подвергается типизации и классифика-

ции по ценностному критерию явно выражаемого отношения поэта к тем или иным философским содержаниям.

ТРУДНОСТИ ТЕМЫ

Прежде чем приступить к анализу имеющегося материала, нужно остановиться на вопросах о возможности представления философского содержания в художественном, а также об особенностях проявления развитой рефлексивности гения как в художественном произведении, так и в философском. Особенности использования философских идей в литературных произведениях зависят, по-видимому, прежде всего от психоинтеллектуальных качеств их творцов.

Одни из них, «*наивные пииты*» — простые и цельные натуры, полностью включенные в этот мир (природный и социальный), «вечные дети», чье «я» растворено в его чувственной реальности и естественно пребывает в ней, так никогда и не обособляясь. Для них философские идеи — необходимая часть внешнего антуража, контекста. Смыслы этих идей каноничны (в соответствии с господствующими интерпретациями), а использование их иллюстративно, демонстративно и символично. Воображение и фантазия «наивного пиита», ведомые интуицией, выхватывают наиболее яркие и самоценные фрагменты, обретающие затем самостоятельную жизнь.

Других творцов можно назвать «*полнезависимыми*». Они — субъективисты, глубоко погруженные в себя, живущие интенсивной внутренней жизнью, поэты-метафизики, вынашивающие собственные самобытные идеи или внутренне-основательно осваивающие внешний идейный контекст. Так рождается «тяжеловесно-угрюмая философская рефлексия *Боратынского*» или «напряженная страстность метафизических умозрений *Тютчева*» [1]. Здесь философия переходит в иные, не-концептуальные формы существования, сковывая собой легкость чувственно-поэтического бытия.

Вероятно, лишь третьи, к коим следует отнести и А.С. Пушкина, являются собой наиболее совершенный в своей развитости и цельности тип «*наивного мудреца*», органично соединяющего в себе особенности первых двух типов. «Его познание объективного бытия, — отмечает С.Л. Франк, — никогда не стремится открыть основу реальности, “вещь в себе” позади явлений; оно всегда имманентно явлениям жизни, просто их воспроизводит, но именно поэтому, рисуя полновесным словом картину жизни, пронизывает ее соками духовной жизни и открывает конкретное существо явлений полнее и глубже всякого философа». Оно «в качестве истинной, совершенной поэзии, есть *откровение* бытия — сама

реальность, обретая голос и повествуя о самой себе» [1]. Здесь сама философия органично живет в своем ином и не столько идентифицируется как «философия», сколько становится жизненной мудростью. Выявленные типы могут существовать и как звенья, этапы одного индивидуального творческого развития.

В чем же состоят особенности проявления развитой рефлексивности гения «наивного мудреца» в художественном освоении реальности?

А.В. Пустовит, автор монографии «Пушкин и западноевропейская философская традиция» (2015), полагает, что, согласно «пушкинскому эстетическому принципу», «поэзия, в отличие от философии, должна быть глуповата. Ум философа и ум поэта (может быть, одинаково мощные) проявляют себя различно» [2, с. 81]. Так же считал и Вяч. Иванов: «Не был он, несмотря на метафизическое мышление, и метафизиком: довольно с него было разума Красоты и разумения нравственного; его спекулятивный разум не искал переступить положенных ему пределов» (цит. по: [3, с. 34]).

Вероятнее всего, уважаемые исследователи подразумевали под «философией» и «метафизикой», скорее, профессионализм в строго-понятийном и систематическом изложении мыслей о сути мира и человеческой жизни. «Глуповатость» же поэзии, полагаем, относима именно к *форме*, но не к сути выражения содержания, его глубины, широты охвата и емкости. Форма здесь выступает как синоним простоты и яркости-метафоричности, содержание — как кумулятивный «снаряд» смыслов, взрывающийся в воображении читателя. Потому поэт может сказать несколькими фразами больше, нежели философ несколькими страницами выверенного и последовательно изложенного текста.

Пушкинская рефлексия манифестирует родовые особенности рефлексивности поэтической. Прежде всего речь идет о ключевом признаке рефлексии: критической отстраненности взыскательно художественного вкуса по отношению к себе же самому. Знаменитое пушкинское: «...ай да Пушкин, ай да сукин сын...» из письма 1825 г. к П.А. Вяземскому демонстрирует не столько «шутливое выражение радости от удачно выполненной работы» [4, с. 23], сколько выраженное в крепком словце пьянящее чувство силы, пронзительности и новизны своего текста, схваченное пушкинской рефлексией.

Рискнем предположить, что главное в «стандартной» художественной рефлексии, как и в философской, — подбор адекватных слов для точного выражения смыслов. И поэт, и философ в этом поиске «перебирают» наличный словарь, создавая свои языковые конструкции. В случае же с «гениальной» рефлексией художником интуитивно схватывается более широкий культурно-духовный контекст мышления. При удачном (редчайшем) попа-

дании рождаются художественные и философские откровения, «берущие за душу» любого представителя той общности, к которой принадлежит этот пиит или мудрец. Пушкинские поэтические строфы при всей их простоте обладают огромной внутренней, непостижимой силой ритма, напевности, структурного рисунка. Эта сила делает их столь близкими любому россиянину и столь загадочными в своей неслыханной популярности у носителей иных культур и языков.

К несомненным трудностям темы относится и невероятная сложность понимания «феноменологии пушкинского духа», набросок которой мы можем встретить у С.Л. Франка [1]. Он предлагал рассматривать духовный мир Пушкина как многослойный, складывающийся из отдельных пластов духовности, ведущих «от поверхности» духовной жизни вглубь. Добавим, что, по всей видимости, эти пласты не просто «нарастают» один над другим, но и взаимно трансформируют друг друга.

Поверхностный слой, фактически совпадающий со сферой физиологически определенной душевности (темперамента), С.Л. Франк обозначает термином «жизнерадостность». Это «вечно детский» дух Пушкина, слагающийся из двух противоборствующих начал: душевной гармоничности и бунтарства. Он сочетает в себе как ласковое приятие всего, готовность всем интересоваться и наслаждаться, так и анархическое умонастроение, потребность излить избыток жизненных сил в буйстве, в постоянном восстании против всего стесняющего жизнь.

Под этим слоем находится другой, ему противоположный, психологически выраженный в настроениях тоски, хандры, уныния и скуки. Он — основа пессимистической философии жизни пушкинских произведений (байронизма). В этом «слое пессимизма» буйство темперамента, избыток жизненных сил превращаются в демонизм, в культ анархического начала в бытии. Здесь, как полагает С.Л. Франк, впервые открывается сфера чистого духа в его отличии от эмпирии жизни и начало перехода в третий слой примиряющей, религиозной духовности. По всей видимости, речь идет о завершении возрастных трансформаций, когда ранний радикализм усмиряется и просветляется жизненным опытом.

Многие современники Пушкина, включая императора Николая I, признавали его выдающийся интеллект («умнейший человек России») [5]. Однако оценки его мыслительно-спекулятивных (не-литературных!) способностей, предполагающих сосредоточенную длительную работу ума, противоречивы. Причем принадлежат они не каким-то злопыхателям, каковых было, как известно, предостаточно, а доброжелателям, соратникам и близко знавшим его людям.

С одной стороны, Пушкин — «поэт-философ» (И.В. Киреевский), с другой — «поэт и ничего больше» (Н.В. Гоголь, цит. по: [2, с. 8]); «Пушкин — мыслитель! Можно ли было это ожидать?» (И.С. Тургенев, цит. по: [2, с. 7]). И уж совсем уничтожительная характеристика была дана 17-летнему поэту Е.А. Энгельгардтом, директором Царскосельского лицея: «Его ум, не имея ни пронизательности, ни глубины, совершенно поверхностный французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине» [6, с. 108]. Спустя годы Д.С. Мережковский называл Пушкина «великим мыслителем, мудрецом» [2, с. 7]; С.Л. Франк, В.В. Розанов, Ю.М. Лотман в разные годы отзывались о поэте так же [2, с. 8].

Как философский материал представлен у А.С. Пушкина? Прямых высказываний поэта о философах и об их идеях не так уж много. Скорее, его отношение к тем или иным философским содержаниям — предмет нескончаемых реконструкций многочисленных исследователей пушкинского творчества, способных на создание самых причудливых построений из одной только поэтической фразы или оговорки в личной переписке [7]. Мы же будем говорить лишь о тех высказываниях поэта о философах, которые достаточно определены и «задокументированы».

В пушкиноведческих работах, посвященных отношениям поэта с такой серьезной «дамой», как философия, они обыкновенно отображаются в виде схемы «от французского скептицизма к классической немецкой философии», наиболее полно представленной в недавней книге А.В. Пустовита [2, с. 11]. Согласно ей философская эволюция поэта следует в фарватере общих ментальных течений российского общества, в котором вторая половина XVIII в. проходила под влиянием французской литературы и общественной мысли, а с первых десятилетий XIX в. нарастало воздействие немецкой литературы и философии [8]. И если французское влияние на Пушкина бесспорно (об этом мы поговорим чуть позже), то подобного нельзя сказать о немецкой классической философии. Приняв во внимание наличие явственно проговариваемых в пушкинских текстах характеристик, можно убедиться, что связи с ней практически отсутствуют.

При знакомстве со многими работами, ставящими себе целью непременно связать творчество поэта с немецкими философами, убеждаешься, что прямо относящийся к делу материал минимален. В отношении возможного совпадения главных смыслов и принципов немецких философов с внутренними интенциями и смыслами пушкинских творений в основном задействуется творчески-спекулятивная фантазия в духе предположений. Главный их посыл, впрочем, вполне правдоподобен: люди, жи-

вущие в одну историческую эпоху, поневоле начинают сходно мыслить, ставить и решать проблемы соответственно общим (популярным) ментальным алгоритмам, приобретающим значение парадигмы. Возможно, это даже верно. Но не по отношению к А.С. Пушкину.

ОСОБЕННОСТИ ФИЛОСОФСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДОГО ПУШКИНА

Пушкин давно стал «нашим всем». Более того, образ его «лакировался» настолько сильно [9], что любое слово, сказанное не в превосходно-хвалительном ключе, не говоря уже о критике, воспринималось (особенно литературоведами и филологами) настороженно и с почти родственной обидой. Это вполне понятно и объяснимо, учитывая почти демиургическую роль А.С. Пушкина для современного русского языка и литературы. Однако не будем забывать, что и величайшие люди все же остаются людьми, в которых много «человеческого, слишком человеческого», т. е. среднего, типичного и банального. Изживание этого содержания и составляет суть процесса трансформации неповторимой креативной личности.

«Младость», юношество — возраст, как известно, наиболее прекрасный в отношении полноты и свежести чувств, уверенности в себе, буйства сил; настоящий приют радости, надежды и предвкушения счастья, которое, впрочем, так никогда и не наступает. Обратной стороной этого цветения непосредственности и своего рода платой за саму возможность подобного ювенильного состояния духа является ментальная несамостоятельность и эмоциональная склонность к радикальным идеям и чувствованиям. Может быть, это — поколенческая манифестация вечной двойственности молодежи: вовлеченности в исходнородительский контекст при одновременном желании конфронтации и разрыва с ним. Подобная двойственность порождает, с одной стороны, «полезависимость» как полную включенность в уже наличествующие ментальные формации и отождествление себя с ними, а с другой — радикализм, ибо молодежь тяготеет к новым дискурсам, противостоящим традиционным, свойственным предшествующим поколениям.

Эта двойственность была присуща и молодому Пушкину, образуя духовно-ментальный слой «вечно детского». Пушкинский мировоззренческий принцип того времени — «*в просвещении встать с веком наравне*». Кумиры поколения стали авто-

ритетами и для него самого, причем эмоциональную верность им поэт сохранял до конца своей недолгой жизни: можно смело отнести к категории «близких» Пушкину французских философов Вольтера и Руссо, а также Эпикура, определившие взгляды самих французов.

Мирочувствование юного Пушкина пронизано мотивами, которые могут быть квалифицированы как гедонистические [10], хотя вряд ли их можно прямо возвести к самому Эпикуру, скорее — к некоторым радикалам из школы киренаиков, ученикам Аристиппа. Чувственные наслаждения здесь самоценны и не умеряемы разумением, что столь свойственно именно молодым людям, еще не изведавшим страданий и болезней тела. Однако и их удовольствие уже не совсем прозрачно и светло: в разгар веселья, как облачко, набегают непрошенная мысль о скоротечности всего и вся. И все же сознание неминуемого еще очень фрагментарно и пока лишь добавляет меланхоличность в качестве пряной приправы к удовольствиям. Во многих лицейских стихах Пушкина, посвященных вину и любви, мы часто можем встретить эту «погребальную веселость», когда гедонистическая экспозиция завершается явлением смерти.

Понятно, что подобное эпикурейско-философское отношение к смерти, в котором отсутствует представление о бессмертии души, далеко от христианства, к которому впоследствии приближается поэт. Однако даже после существенного пересмотра им собственных метафизических пристрастий в сторону христианизации эмоциональные отзвуки эпикурейства были слышны и в поздних его произведениях. Так, в отрывке 1835 г. «Мы проводили вечер на даче...» находим рассуждение: «Разве жизнь уж такое сокровище, что ее ценою жаль и счастья купить?.. Что жизнь, если она отравлена унынием, пустыми желаниями! И что в ней, когда наслаждения ее истощены?» А знаменитый, совершенно эпикурейский (смерть среди наслаждений), сюжет о любовниках Клеопатры, заплативших жизнью за ночь любви?

Кумиром номер один среди философов у А.С. Пушкина долгое время был Вольтер — «певец любви, фернейский старичок», «султан французского Парнаса» (неоконченная поэма «Монах», 1815), «циник поседлый, / Умов и моды вождь, проницательный и смелый» («К вельможе», 1830), «фернейский злой крикун», «поэт в поэтах первый», «седой шалун» («Городок», 1815) [11]. Вовлеченность в произведениях Вольтера приводила к отождествлению поэта с их автором: современники даже называли его «молодым господином Аруэ». Несколько менее влиятелен для него Руссо, но его функция — быть «апостолом наших прав», основные принципы которого сводимы к нескольким постулатам: Бога нет, мир материален, природа диалектична, разум всемогущ,

добро и зло относительны, смысл жизни — в полноте наслаждений и борьбе за свободу [12]. Ну чем не новое (радикальное) вероисповедание? В итоге носитель этих взглядов — холодный скептик и вольтерьянец, почти атеист («Гавриилиада»).

Но Пушкин не был бы Пушкиным, если бы остался во «французском формате» мышления. Он, постепенно преодолевая и влияние вольтеровского поэтического стиля, и руссоистские грезы о первоначальной добродетельности человека, в итоге размышлений над судьбой кумира приходит к важным экзистенциально-философским выводам. Вольтер, полагает он, так и не сумел сохранить собственное достоинство потому, что хотел славы и дружбы с сильными мира сего. Каждый имеет свои слабости, но ему, чтобы не радовать посредственностей, надлежало помнить о своем истинном предназначении — ученом кабинете. Следует культивировать независимость и самоуважение, лишь они одни могут возвысить человека над мелочами жизни и бурями судьбы.

ВЗРОСЛЕНИЕ: СМЕНА ПРИОРИТЕТОВ

Когда происходит у Пушкина радикальная переоценка ценностей? Этот вопрос находится в компетенции профессионалов-пушкиноведов [13], мы можем лишь строить догадки, пользуясь «проекциями» из общечеловеческого опыта и психологии, и определить это время возрастным интервалом от конца третьего жизненного десятилетия до середины четвертого, «возрастом Христа и Будды», психологическим «кризисом среднего возраста». Новое, взрослое, рефлексивное отношение к жизни, к себе и своему творчеству рождается, крепнет и развивается в нарастании отстраненности человека от прежней контекстуальности, дистанцировании от прежних кумиров, чувстве стыда за прежние восторги и беспочвенные упования; в рациональной осторожности к новомодным интеллектуальным веяниям.

Настоящая жизненная диалектика мировоззренческого возмужания состоит в радикальной смене вех, когда «близкое» становится «не принимаемым». А.С. Пушкин в 35 лет уже совершенно развенчивает своих философских кумиров, утверждая, что французская философия XVIII в. как таковая несовместима с поэзией: ее атеистичность — смерть для религии, «вечного источника поэзии у всех народов», а любимое орудие — холодная ирония, «насмешка бешеная и площадная». В статье «Александр Радищев» (1836) он называет философию Гельвеция «пошлой и бесплодной», а самого Гельвеция — «холодным и сухим», с сокрушением видя причину в уже описанной поколенческой слабости молодежи.

Становление развитой рефлексивности предполагает не только ревизию своих прежних увлечений, но и формирование ровного, взвешенного — «нейтрального» отношения к своему жизненному и мировоззренческому контексту. Новый пушкинский мировоззренческий принцип отношения к своему ментальному окружению уже иной, чем в юности: «мы не принадлежим к числу подобострастных поклонников нашего века».

В 1820-х гг. происходит, как известно, «немецкий поворот» в предпочтениях русской интеллектуальной публики, когда, по выражению В.Ф. Одовского, философия «французских говорунов», «Вольтеров и Гельветиев» сменяется «истинною, небесною философию» [14, с. 163; 15, с. 94].

Отношение А.С. Пушкина к немецкой классической философии — предмет постоянных исследований и дискуссий. Есть возобновляемая тенденция как бы дополнительно «европеизовать» творчество А.С. Пушкина, привнося в него некое сакрально-метафизическое измерение и донельзя сближая вершину отечественной поэзии с вершинами европейской философии того времени: Пушкина и Гегеля [16], Пушкина и Канта [17]. Самое интересное, что ни цитат из их трудов, ни размышлений об этих крайне модных в то время философах у Пушкина, за небольшим исключением, нет. Это удивительно, поскольку немецко-философские страсти были буквально накалены. Шеллингианство и гегельянство становились идейной основой кружков молодых интеллектуалов того времени, а затем — и концептуальным стержнем появляющихся течений славянофильства и западничества.

А.С. Пушкин же подчеркнуто отстранялся от всех этих разговоров и страстей, оставив, похоже, лишь два взаимоисключающих мнения на сей счет. Впрочем, их разделяет почти десятилетие, и вполне возможно, что поэт все же имел возможность убедиться в достоинствах новых «интеллектуальных технологий», предлагаемых немецкими мыслителями. В 1827 г. в письме А.А. Дельвигу, отвечая на его упрек в тайном пристрастии к немцам, он пишет: «Ты пеняешь мне за Московский вестник и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее» [17]. Вместе с тем он, похоже, все-таки симпатизирует идеям московских «любомудров», чувствуя в них живое, творческое начало. Так, в том же письме вслед за приведенными словами о презрении к метафизике следует лаконичная, истинно пушкинская оговорка: «Да что поделаешь! Собрались ребята теплые, упрямые — поп свое, а черт свое».

В 1836 г., он уже констатирует благотворность влияния немецких философских идей — и на молодежь, и (через нее) на остальных соотечественников. При этом А.С. Пушкин так и не высказался ясно ни о Канте, ни о Шеллинге, ни о Гегеле, — кумирах уже не своего, а следующего поколения.

РАЗВИТАЯ РЕФЛЕКСИЯ ГЕНИЯ КАК ИТОГ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПУШКИНА

Итак, какова логика мировоззренческой эволюции поэта и роль в ней философии?

Первое. Ее нельзя свести к схеме движения от французского скептицизма к классической немецкой философии: если в отношении исходного пункта (либеральных и гедонистических идей французов) еще можно согласиться, то подобного нельзя сказать касательно немецких философских веяний. Признавая уместность метода сопряжения философских идей и внутренних смыслов художественных произведений, уточним, что возможно наличие (в культуре ли, в социальном бессознательном ли) более фундаментального, общего источника и для философии, и для литературы. Это своего рода порядок человеческого присутствия в мире. Соответственно, «в каждой культуре между использованием того, что можно было бы назвать упорядочивающими кодами и размышлениями о порядке, располагается чистая практика порядка и его способов бытия» [18, с. 34]. Можно сказать, что поэтический и философский гений самодостаточны, это не сообщающиеся сосуды, а скорее — разные великие духовные вибрации, возможно, исходящие из одного источника.

Второе. Логика мировоззренческой эволюции поэта лишь на первый взгляд укладывается в традиционные культурологические и психологические рамки: от «полезависимости» — к «полenezависимости», от юношеского возрастного радикализма — к консерватизму зрелости (ср. с высказыванием Б. Дизраэли: «У того, кто в шестнадцать лет не был либералом, нет сердца; у того, кто не стал консерватором к шестидесяти, нет головы»). Многое (и подчеркнутая дистанцированность от философии как таковой, и принцип «простоты» выражения смыслов, и самостоятельные серьезные политические и исторические исследования) говорит о том, что А.С. Пушкин переживал характерный для гения «трансцендирующий» скачок/прорыв сквозь и через «только-лишь» возрастные закономерности развития и преодоление «полезависимости/независимости» к феномену «наивного мудреца — ведателя жизни» [1].

Третье. Именно развитая рефлексия и рефлексивность художника-гения позволяла А.С. Пушкину интуитивно охватить культурно-духовный контекст мыслечувствования огромного масштаба: душевный ритм, внутренние смысловые «такты» речи-мышления поэта вступали в тонкий резонанс с речевым и мыслительным планом освоения окружающего родной культурой, народом. Веро-

ятно, потаенная сила пушкинской рефлексии заключается в способности погрузиться в глубины языковой и смысловой архитектоники культуры, уловить прекрасные образцы «совершенных идей» и выразить их поэтически даже не в самих словах, а в рисунке «нанизывания» друг на друга, ритмики их звучания.

Список источников

1. Франк С. О задачах познания Пушкина // Русское мировоззрение : [сборник] / [Вступ. ст. А.А. Ермичева]. Санкт-Петербург : Наука, 1996. 738 с.
2. Пустовит А.В. Пушкин и западноевропейская философская традиция. Киев : Изд. дом «Персонал», 2015. 408 с.
3. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1998. 199 с.
4. Крылатые слова: Энциклопедия / [авт.-сост. В. Серов]. Москва : Локид-Пресс, 2003. 831с.
5. Агальцев А.М. Реальная метафизика А.С. Пушкина — сущностное основание формирования тернарной культуры России // Вестник Омского университета. 2015. № 4 (78). С. 79–84.
6. Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826 / Сост. М.А. Цявловский. Ленинград : Наука: Ленингр. отд-ние, 1991. 785 с.
7. Давыдов А.П. А.С. Пушкин. Странник («Однажды странствуя среди долины дикой...») и комментариев к нему Ф.М. Достоевского // Культура и искусство. 2014. № 2 (20). С. 197–205. DOI: 10.7256/2222-1956.2014.2.12296.
8. Сыров В.Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. Москва : Водолей Publishers, 2006. 248 с.
9. Гобозов И.А. Пушкин — универсальный гений [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2012. № 3 (67). С. 5–20. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145243/> (дата обращения: 07.06.2017).
10. Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина [Электронный ресурс] // Ruthenia : сайт / Объединенное гуманитарное издательство. Кафедра русской литературы Тартуского университета. URL: <http://www.ruthenia.ru/document/527776.html> (дата обращения: 07.06.2017).
11. Луков В.А. Пушкин: русская «всемирность» // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 58–73.
12. Баженов А. Схождение во ад как творческая задача Пушкина (К вопросу о Гавриилиаде) // Наш современник. 2002. № 1. С. 55–57.
13. Пустовит А.В. Философ Пушкин. Наследие поэта и западноевропейская философская традиция [Электронный ресурс] // Пушкинская комиссия ИМЛИ РАН : сайт. URL: <http://pushkinopen.ru/texts/view/41> (дата обращения: 06.06.2017).
14. Одоевский В.Ф. Мнемозина: собрание сочинений в стихах и прозе / издаваемая Кн. В. Одоевским и В. Кюхельбекером. Ч. 4. Москва : Тип. Императорского Московского театра, 1825.
15. Песков А.М. У истоков русского философствования: шеллингианские таинства любомудров // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 89–100.
16. Нешитов П.Ю. Формула русской философии: Гегель плюс Пушкин: доклад 23 дек. 2011 г. на историко-методологическом семинаре «Русская мысль» в РХГА [Электронный ресурс] // Георг Вильгельм Фридрих Гегель / Hegel.ru: сайт. URL: <http://www.hegel.ru/neshitov.html> (дата обращения: 07.06.2017).
17. Белый А.А. Кантовская цитата в пушкинском тексте // Вопросы литературы. 2004. № 3. С. 59–80.
18. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. Санкт-Петербург : А-сэд : АОЗТ «Талисман», 1994. 406 с.

Pushkin as a “Connoisseur of Life”: The Main Profiles in the Amalgam of Pushkin’s Philosophical Preferences

Vladimir I. Krasikov

Russian Institute of Theatre Arts, 6, Malyi Kislovsky Lane, Moscow, 125009, Russia
E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Abstract. The article studies the outlined by previous researchers range of statements and characteristics from A.S. Pushkin’s works, which relate to the worldview ideas, principles and meanings taking place in Pushkin’s period. The subject of the study is their philosophical component.

The author carries out a value differentiation of A.S. Pushkin’s philosophical preferences in the context of the worldview interests of his era, and defines their main profiles as “familiar”, “unacceptable” and “neutral”.

The article uses analysis and scientific reflection as methodological tools, and for its empirical material, it takes works of the specialists in different areas of the Humanities, devoted to this topic. The provided analytical and reflexive material is structured by means of typification and classification, which allows the author to investigate the logic of the worldview and ideological evolution of the poet and the role of philosophy in it, and to offer his own interpretation of this. The author also contributes to the development of this topic with the argumentation of the hypothesis of originality of the artistic reflection and reflexivity (in comparison with the philosophical reflection and reflexivity).

Key words: Pushkin’s philosophical preferences, worldview evolution of the poet, reflection, originality of the artistic reflexivity, Epicureanism, French skepticism, Voltaire, Rousseau, classical German philosophy, Kant, Schelling.

Citation: Krasikov V.I. Pushkin as a “Connoisseur of Life”: The Main Profiles in the Amalgam of Pushkin’s Philosophical Preferences, *Observatory of Culture*, 2018, vol. 15, no. 2, pp. 206–213. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-2-206-213.

References

1. Frank S. On the Tasks of Pushkin Comprehension, *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, 738 p. (in Russ.).
2. Pustovit A.V. *Pushkin i zapadnoevropeiskaya filosofskaya traditsiya* [Pushkin and the Western European Philosophical Tradition]. Kiev, “Personal” Publ., 2015, 408 p.
3. Kibalnik S.A. *Khudozhestvennaya filosofiya Pushkina* [Pushkin’s Artistic Philosophy]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, 199 p.
4. *Krylatye slova: Entsiklopediya* [Winged Words: Encyclopedia]. Moscow, Lokid-Press Publ., 2003, 831 p.
5. Agaltsev A.M. Pushkin’s Real Metaphysics as the Essential Base of the Formation of a Ternary Culture of Russia, *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 2015, no. 4 (78), pp. 79–84 (in Russ.).
6. Tsyavlovsky M.A. (ed.) *Letopis’ zhizni i tvorchestva A.S. Pushkina. 1799–1826* [The Chronicle of A.S. Pushkin’s Life and Work. 1799–1826]. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 785 p.
7. Davydov A.P. A.S. Pushkin. Strannik (“Odnazhdy stranstvuya sredi doliny dikoi...”) i kommentarii k nemu F.M. Dostoevskogo [A.S. Pushkin. The “Pilgrim” and a Commentary to It by F.M. Dostoevsky], *Kul’tura i iskusstvo* [Culture and Art], 2014, no. 2 (20), pp. 197–205 (in Russ.). DOI: 10.7256/2222–1956.2014.2.12296.
8. Syrov V.N. *Vvedenie v filosofiyu istorii: svoeobrazie istoricheskoi mysli* [Introduction to the Philosophy of History: The Peculiarity of Historical Thought]. Moscow, Vodolei Publishers, 2006, 248 p.
9. Gobozov I.A. Pushkin – The Universal Genius, *Philosophy and Society*, 2012, no. 3 (67), pp. 5–20. Available at: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/145243/> (accessed 07.06.2017) (in Russ.).
10. Yakubovich D.P. Antiquity in the Works of Pushkin, *Ruthenia: website*. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/527776.html> (accessed 07.06.2017) (in Russ.).
11. Lukov V.A. Pushkin: Russian “Universalness”, *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 2, pp. 58–73 (in Russ.).
12. Bazhenov A. Coming to Hell as a Creative Task of Pushkin (On Gavriiliada), *Nash sovremennik* [Our Contemporary], 2002, no. 1, pp. 55–57 (in Russ.).
13. Pustovit A.V. Philosopher Pushkin. The Poet’s Legacy and the Western European Philosophical Tradition, *Pushkinskaya komissiya IMLI RAN: sait* [Pushkin Commission of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences: website]. Available at: <http://pushkinopen.ru/texts/view/41> (accessed 06.06.2017) (in Russ.).
14. Odoevsky V.F. *Mnemozina: sobranie sochinenii v stikhakh i proze* [Mnemozina: Collected Works in Verse and Prose], part 4. Moscow, Imperatorskogo Moskovskogo Teatra Publ., 1825.
15. Peskov A.M. At the Origins of Russian Philosophy, *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy], 1994, no. 5, pp. 89–100 (in Russ.).
16. Neshitov P.Yu. The Formula of Russian Philosophy: Hegel plus Pushkin: The Report of December 23, 2011, at the Historical-Methodological Seminar “Russian Thought” in the Russian Christian Humanities Academy, *Georg Wilhelm Friedrich Hegel*. Available at: <http://www.hegel.ru/neshitov.html> (accessed 07.06.2017) (in Russ.).
17. Belyi A.A. Kant’s Quote in Pushkin’s Text, *Voprosy literatury* [Russian Studies in Literature], 2004, no. 3, pp. 59–80 (in Russ.).
18. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. St. Petersburg, A-cad Publ., AOZT “Talisman” Publ., 1994, 406 p. (in Russ.).